

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

Серия
«ГЛОРИЯ И ДРУГИЕ»

ДЕТЕКТИВЫ НАТАЛЬИ СОЛНЦЕВОЙ

- ✓ «Ожидай странника в день бури»
- ✓ «К чему снится кровь»
- ✓ «Опасайся взгляда Царицы Змей»
- ✓ «Она читала на ночь»
- ✓ «Копи царицы Савской»
- ✓ «Портрет кавалера в голубом камзоле»
- ✓ «Танец семи вуалей»
- ✓ «Все совпадения неслучайны»
- ✓ «Не бойся глубины»
- ✓ «Дневник сорной травы»
- ✓ «Полуденный демон»
- ✓ «В горах ближе к небу»
- ✓ «В храме Солнца деревья золотые»
- ✓ «Следы богов»
- ✓ «Легкие шаги в Океане»
- ✓ «Натюрморт с серебряной вазой»
- ✓ «Шулер с бубновым тузом»
- ✓ «Венера Челлини»
- ✓ «Сокровище Китеж-града»
- ✓ «Этрусское зеркало»
- ✓ «Третье рождение Феникса»
- ✓ «Шарада Шекспира»
- ✓ «Яд древней богини»
- ✓ «Московский лабиринт Минотавра»
- ✓ «Печать фараона»
- ✓ «Черная жемчужина императора»
- ✓ «Испанские шахматы»
- ✓ «Монета желаний»
- ✓ «Магия венецианского стекла»
- ✓ «Загадка последнего Сфинкса»
- ✓ «Кинжал Зигфрида»
- ✓ «Золотой идол Огнебога»
- ✓ «Часы королевского астролога»
- ✓ «Ларец Лунной Девы»
- ✓ «Золото скифов»
- ✓ «Амулет викинга»
- ✓ «Звезда Вавилона»
- ✓ «Мантия с золотыми пчелами»
- ✓ «Красный лев друидов»

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

ШУЛЕР
С БУБНОВЫМ
ТУЗОМ

АСТ
Москва

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь — это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша
Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

«Я, верно, болен — все на сердце туман.
Мне скучно все — и люди и рассказы.
Мне снятся королевские алмазы...»

(Николай Гумилев)

~ ГЛАВА 1 ~

— Теперь ты принадлежишь мне, — хрипло засмеялся он. — Ты — моя собственность. Будешь выполнять все мои приказания! Иначе тебе конец, крошка. Я могу сделать с тобой все, что захочу. Захочу — заставлю любить себя. Захочу — убью...

Она молчала, дрожа от страха и обиды. Ее поставили на кон, словно пачку купюр или стопку фишек, словно вещь, которой распоряжаются другие.

Новый хозяин погрозил ей пальцем.

— Ты сама виновата. Ввязалась в чужие игры! Чего тебе не хватало? Денег? Приключений? Твоя неумная похоть и страсть к роскоши сыграли с тобой дурную шутку, крошка. Ну-ка, покажи, что у тебя там?

С этими словами он потянулся к застежке ее кофточ-ки. Она отшатнулась, прижалась к спинке дивана. Но-вый хозяин грубо схватил ее за плечо, она вскрикнула от боли и зажмурилась.

— Не дергайся! — рявкнул он. — Хуже будет!

Показалось, что она снова попала в руки палача, кото-рый не знает жалости. Он просто выполняет свою работу. Сотни глаз, жадных до кровавых зрелищ, уставились на ее обнаженное тело. Свистит плеть, обжигая кожу, каждый

удар сопровождается возбужденными вздохами толпы. А тут же, на деревянном помосте, помощник палача раздувает угли, готовит ей пытку раскаленным железом...

— Делай, что я скажу! — потребовал новый хозяин. — Раздевайся... не строй из себя недотрогу. Тебе это не впервой. Я ведь знаю тебя, как облупленную.

Он заставил ее снять одежду и лечь. Прежде чем приступить к делу, долго водил рукой по ее груди, приговаривая:

— Я не ошибся, крошка. Вот оно, тавро грешницы... *знак проклятия*, наложенный на тебя судьбой. Я искал его... Что, боишься меня?.. Бойся! Я — твой вечный кошмар! На сей раз тебе не удастся ускользнуть. Давай, люби меня, как ты умеешь...

Он обрушился сверху, словно голодный зверь. Все свершилось бурно и быстро. Она поразилась своему бесчувствию. Как будто это происходило не с ней, а с какой-то другой женщиной. У человека, который овладел ею, было много лиц, забытых, любимых и ненавистных.

— Не вздумай сбежать от меня, крошка! — хмуро пригрозил хозяин. — Достану и порезу на кусочки. От меня не скроешься. Поняла?

Она послушно кивала, послушно одевалась, наливала ему коньяк.

— Ты не очень-то и сладкая, — протянул он, соловая от выпитого. — Я ожидал большего. Что, растеряла былой пыл? Не мудрено. С твоим послужным списком можно стать героиней романа. А ты обычная стерва, готовая переспать с каждым, кто хотя бы накормит досыта. Я угадал?

Она заплакала от ужаса и безысходности. Неужели ее мучения никогда не закончатся?

— Ну, теперь я сподобился, попробовал твоего тела, и мы можем поговорить по душам. Ты дорогого стоишь, несмотря на нищету. Ха-ха-ха-ха! Мне известно, в чем твоя изюминка. И я доковыряюсь до нее, даже если мне придется для этого испортить всю булочку! Ха-ха-ха-ха! — Его развеселила собственная шутка. — Давай, колись! Не то плохо кончишь. Ты знаешь, что такое боль и страх... и первое, и второе я обеспечу тебе в избытке.

— Что вы от меня хотите? — давясь слезами, вымолила она.

— Прикидываешься дурочкой? Не пройдет.

— Клянусь, я ничего не понимаю...

— Ах, так, да? — расвирепел он, с силой тыкая ее пальцем пониже ключицы. — Значит, ты все забыла? Маленькая подлая лгунья! Я найду способ помочь тебе вспомнить...

* * *

История Николая Крапивина

О том, что у меня есть сестра, я узнал из предсмертного письма моего отца, — человека сурового, немногословного, но твердого в изъявлении своей воли.

Я стал поздним и единственным ребенком в семье. Родители избаловали и распустили меня, как только возможно разбаловать и распустить долгожданного отпрыска. Отец уже не чаял заполучить у судьбы этот вожделенный подарок — ребенка, сына, который унаследует заработанные им деньги и продолжит его фамилию.

К чести моей ласковой и заботливой матушки могу сказать, что она сумела вовремя остановиться, дабы не испортить меня окончательно. Я получил приличное образование, овладел двумя языками, — французским и английским, — побывал за границей, где не только бездельничал и слонялся по ночным клубам, но перенимал опыт коммерческих операций по оптовым закупкам и недвижимости, которыми занимался мой отец, Андрей Никитич Крапивин.

Мое рождение принесло в размеренную, налаженную жизнь отца и матери несказанную радость и столь же несказанное беспокойство. Они тряслись надо мной, как скаредные старики трясутся над каждым грошом, и их можно понять. Потерять меня означало бы полный крах обретенных ими надежд на спокойную старость и продолжение рода. А также на то, что многочисленная род-

ня и жадные партнеры отца не растащат компанию по частям в случае смерти основателя.

Матушка моя давно забыла, что такое работа. К бизнесу у нее не было ни малейших склонностей. Поэтому я должен был при необходимости заменить отца на его бессменном посту главы компании и взять в руки бразды правления. О чем я вспоминал с содроганием в самые, казалось бы, неподходящие моменты счастья и безмятежного наслаждения жизнью молодого денди, не обремененного серьезными обязанностями.

Я вел существование праздное и благополучное, пока гром не грянул.

Разразилась гроза перед самым Рождеством, когда сотрудники затеяли корпоративную вечеринку в главном офисе.

Отец, как обычно, заказал стол и развлечения за свой счет и готовился произнести традиционную праздничную речь, когда внезапно почувствовал себя плохо. Вместо того чтобы немедленно вызвать врача, он попытался преодолеть недомогание и взгромоздился на импровизированную трибуну, украшенную гирляндами лампочек и разноцветных елочных шаров. Успев выговорить всего пару фраз, он пошатнулся и рухнул на руки своего заместителя и финансового директора.

По залу пронесся вздох недоуменного ужаса. Кто-то из женщин истерически вскрикнул, кто-то кинулся вызывать «неотложку»... а кто-то прятал злорадную ухмылку под маской притворного сострадания.

«У каждого человека есть враги, — любил повторять мой отец. — А у богатого человека их множество. Завистники, конкуренты, бывшие компаньоны, бывшие возлюбленные, обиженная родня, да мало ли еще кто, кому стоят поперек горла чужие успехи. Будь всегда начеку, сын! — наставлял он меня. — Никому не верь, никого не подпускай слишком близко, ни на кого не рассчитывай и никому ничего не прощай!»

Такая вот нехристианская заповедь. При всем том мой отец был человеком набожным. Раз от разу посещал цер-

ковь, держал в рабочем кабинете пару икон, но не гнушался и иными методами привлечь на свою сторону коммерческую удачу и деньги. После его смерти я начал разбирать бумаги и наткнулся на адреса одной известной московской гадалки и некоего мага.

Вероятно, время от времени отец прибегал к их помощи перед рискованной сделкой или принятием важного решения. Не скажу, что меня сей факт удивил. *Он сразил меня наповал!* Отец — и сомнительные консультации сомнительных личностей? Несовместимо. Впрочем, против правды не попрешь.

Видимо, отец имел свои маленькие слабости, о которых мы с матерью не догадывались. Я не стал делиться с ней своим неожиданным открытием. Зачем разрушать образ непоколебимого и властного прагматика, которым он хотел казаться?

То последнее Рождество отец встречал на больничной койке. Собственная беспомощность выводила его из себя. Как некоторые с виду здоровые и крепкие люди, он держался до конца, а когда свалился, то больше уже не встал.

Врачи делали все возможное. Приятель отца предложил перевести его в немецкую клинику, но больной отказался наотрез. Полагаю, он чувствовал, что умирает, и хотел избежать бесполезных хлопот и суеты.

Перед смертью он призвал меня к себе и сообщил о письме, которое написал здесь, в палате, и которое просил вскрыть после его кончины. Мои фальшивые уверения в скором выздоровлении он отмел бледной, но все еще твердой рукой. И взял с меня обещание исполнить все, что он изложил в письме, с точностью.

Разумеется, я дал ему это обещание. Меня терзало любопытство, но я не посмел ослушаться и вскрыть письмо раньше оговоренного срока. Я вырос непутевым, но почтительным сыном. И слово отца было для меня законом.

Не скажу, что мы испытывали друг к другу теплые чувства. Он по-своему любил меня, видя во мне свое продолжение. Я ни в чем не знал отказу, но общался с отцом редко, а все время проводил с матерью и друзьями-

ми. В детстве он казался мне небожителем, который иногда спускался с облаков, чтобы потрепать меня по голове или строго пожуричь за провинность.

Его авторитет довел надо мной ровно до четырнадцати лет, когда я начал стремительно взрослеть и обретать вид не отрока, но мужа. Матушка не уставала удивляться, как я вымахал, и только то и делала, что обновляла мой гардероб. Вместе с ростом и мышечной массой развивалась моя мужская привлекательность. Девушки поглядывали на меня с интересом и откровенно заигрывали. Я охотно отвечал им тем же. К окончанию колледжа я прослыл заядлым сердцеедом и безжалостным ловеласом.

Молодая преподавательница, которая приходила на дом заниматься со мной иностранными языками, стала моей первой отчаянной и дерзкой любовью. Я потел и заикался, украдкой лаская взором ее выступающие из-под юбки коленки, а она притворялась, что не понимает природы моей непреодолимой тупости. До глаголов и спряжений ли было мне рядом с такой красоткой?! Я вдыхал запах ее духов, и у меня пересыхало во рту, и кружилась голова. По ночам я не спал, воображая эротические сцены, в которых она отдавалась мне под скрип диванных пружин и стук едущих под окнами трамваев.

Заметив неладное, мать устроила нам перекрестный допрос. Бедная учительница заливалась краской и невнятно оправдывалась, тогда как я отважно признался в любви к ней и готов был провалиться сквозь землю, когда заметил в ее глазах не ответную страсть, а... испуг. Она боялась лишиться заработка! А я-то, дурак, обожал и боготворил ее! Это отрезвило меня на несколько лет вперед.

В тот же день матушка устроила тщательный обыск в моей комнате и с криками вытащила из ящика моего стола набор метательных ножей, несколько журналов «Плейбой» и колоду порнографических карт. Смешно вспоминать, как она убивалась и грозила мне всяческими немислимыми карами.

Метание ножей было моей любимой забавой наряду с обострившимся интересом к женскому полу.

«Ты хулиган и развратник! — стонала матушка. — Откуда в тебе дурные наклонности? Чего тебе не хватает?»

Когда родительница доложила отцу о моем проступке, тот холодно улыбнулся и велел оставить меня в покое.

«Наш мальчик становится мужчиной, Бетти, — добавил он. — Позволь ему проявлять либидо. Иначе мы останемся без внуков!»

«А ножи, Андрей? Он убьет кого-нибудь и сядет в тюрьму!»

«Что-ж... будем носить ему передачи».

После таких слов бедную матушку перемкнуло, и она надолго закрылась в своей комнате. Когда она наконец вышла оттуда, то перестала называть меня Колюней, чего я терпеть не мог, и обращалась ко мне исключительно Николай, что постепенно трансформировалось в Нико. Это было куда благозвучнее Колюни, и я преисполнился благодарности к отцу за заступничество.

Мама, несмотря на общие легкомысленные веяния, сумела сохранить приверженность строгим правилам. Но потерпела полное фиаско в попытке привить эти правила мне, несносному и горячо любимому сынуле. Должно быть, слепая материнская любовь сделала ее мягкой, как воск, из которого я беззастенчиво лепил то, что хотел. Не будь отца, страшно представить, к чему это могло бы привести. Он служил сдерживающим фактором для ее любовных порывов. Боясь вызвать его гнев, матушка периодически брала меня в ежовые рукавицы, пока не сообразила, что это лучший способ наставить меня на путь истинный. Она сумела наступить на горло собственной песне, за что я ей очень признателен. По крайней мере, из неуча и лентяя я превратился в расхлябанного, но умного и образованного молодого человека. Мои недостатки никуда не делись, однако они хоть как-то уравновесились приобретенными достоинствами.

К одним из своих достоинств я отношу сыновнюю почтительность и верность данному слову. Эти два качества, как ни прискорбно, ввергли меня в совершенно невообразимую авантюру...

~ ГЛАВА 2 ~

Несмотря на самоотверженные усилия врачей, лучшие лекарства и уплаченные за лечение деньги, в начале мая мой отец скончался.

Матушка была вне себя от горя, а я испытывал неведомые мне доселе чувства растерянности и страха перед свалившейся на меня ответственностью. Теперь роль мужчины, хозяина дома и главы компании «Крайсер» предстояло сыграть мне. Отец «умыл руки», а я вынужден отдуваться.

«Ты циник, Нико, — корил меня внутренний голос. — Как ты можешь паясничать в эту трагическую минуту? У тебя нет ни стыда, ни совести! Ты кощунствуешь у гроба того, кто дал тебе жизнь и щедро снабдил всеми земными благами!»

Я смутился. Он был чертовски прав, мой внутренний критик, второй Нико, которого никто не видел и не слышал, кроме меня. Иногда он перегибал палку, но не в тот раз. И все же он ошибался, обвиняя меня в бессердечии и черствости.

Боль моей утраты притупилась опасениями, что я не справлюсь с поставленной передо мной задачей и ударю в грязь лицом. Одно дело — учиться, и совсем другое — практиковать. Под крылом отца я мог позволить себе бе-

залаберность, но с его смертью все изменилось. Он оставил меня один на один с бизнесом, бросил в воду, не убедившись, что я умею держаться на плаву. Он жестоко поступил со мной. Вот, о чем я думал, глядя на его мертвое землистое лицо, казавшееся мне чужим.

Матушка рыдала, склонившись над гробом, а я невольно прислушивался к монотонному бормотанию друга нашей семьи господина Долгова. Я привык называть его дядей Лешей и помнил, как он брал меня маленького к себе на колени и угощал конфетами.

— Берта, тебе нельзя так волноваться, — уговаривал он безутешную вдову. — Андрюшу не вернешь. Каждому отмерен свой срок, с этим ничего не поделаешь. Смирись. У тебя есть сын и это главное. Тебе надо жить, Берта...

Похороны, соболезнования и поминки отвлекли мое внимание от письма, переданного мне отцом. Я положил его в домашний сейф и... забыл о нем.

Прошло восемь дней, суматошных и невероятно тяжелых для нас с матерью. Она страдала бессонницей, я, напротив, ходил, разговаривал и действовал словно в гипнотическом сне. Ночью накануне девятого дня мне привиделся отец. Покойный грозил мне пальцем, выражая крайнее недовольство. Он стоял у открытого настежь окна, не чувствуя холода...

Я очнулся от тревожной дремы и вскочил, не понимая, что происходит. В комнате никого не было, только развевались от ветра занавески. Я торопливо закрыл окно, постоял немного, приходя в себя... и зачем-то посмотрел вниз, во двор. В пелене дождя, освещенной фонарем, мне почудилась фигура отца в его любимом длинном пальто. Я зажмурился и протер глаза, а когда снова выглянул во двор, там никого не было.

Дрему как рукой сняло. Я лег, но уснуть не смог и беспокойно ворочался до самого утра. Под утро я сообразил, чем вызвал недовольство отца. Письмо! Как я мог забыть о нем? Я немедленно отправился в библиотеку, снял с полки десяток книг, добрался до дверцы сейфа и открыл его. Запечатанный белый конверт из плотной бу-

маги лежал поверх стопки документов и двух пачек денег, припасенных на непредвиденный случай.

Отец считал, что всегда необходимо иметь под рукой некоторую сумму наличности. Очевидно, у него были на то основания. Я не собирался заводить новые порядки, — это утомительно. Куда удобнее поддерживать старые.

Признаться, я с осторожностью и трепетом вскрыл конверт. О чем отец не решился сообщить мне при жизни? Неужели это касается наследства? Вдруг мы разорены? Не знаю право, огорчило бы это меня или обрадовало.

Мои опасения оказались напрасными. Аккуратные строчки, начертанные отцом, гласили:

«Дорогой сын!

Вынужден прибегнуть к твоей помощи, ибо сам уже не в силах исполнить свой долг перед той, которую незаслуженно обделила судьба. Речь идет о моей осиротевшей дочери Анне, твоей сестре. Похоронив мать, она осталась совершенно одинокой и без средств к существованию. Это и заставило ее обратиться ко мне. Раньше она не осмеливалась беспокоить меня, что говорит о ее бескорыстии и благородстве. Теперь жизнь вынудила ее объявиться и признаться в нашем родстве, о котором я, к стыду своему, не знал. Я сразу же выслал ей немного денег, но эта сумма ничтожная. Если бы не внезапная болезнь, я бы сам позаботился о моей бедной девочке.

Стоя на пороге смерти, я не хочу обременять душу свою грехом невыполненных обязательств и тяжелых сожалений. Надеюсь, я могу положиться на тебя, Николай, в этом щекотливом и чрезвычайно важном для меня деле. Ты ведь не подведешь? Не оставишь Анну без денег и родственного участия?

Должен заявить, что считаю себя не вправе каким-либо образом менять завещание в пользу Анны, которая росла вдали от меня и с которой я не успел лично познакомиться. Любая переделка завещания и выделения доли дохода от моего бизнеса Анне была бы неправильной по отношению к тебе и моей любимой супруге Берте, твоей матери. Так что полностью рассчитываю на твою сы-

новнюю преданность, дорогой Николенька, и твое доброе, чуткое сердце. Уверен, что передаю Анну в надежные руки, и мне не придется пожалеть об этом на том свете, откуда, как мне кажется, я смогу видеть вас.

Я не святой, и ничто человеческое мне не чуждо. Миллионный курортный роман, о котором я легкомысленно забыл, принес мне неожиданный дар, — увы, слишком поздний! Я ухожу, а вы, мои дети, должны радоваться жизни. Пусть ничто не омрачит эту радость, даже моя кончина. Я все повидал, всего вкусил и добился того, о чем мечтал. Я еще не стар, но уже и не молод. Семьдесят два года, отмеренные мне судьбой, это немало. Я много успел, за что безмерно благодарен провидению.

Умоляю, не говори ничего Бетти! Она не заслужила такого подвоха с моей стороны. Вероятно, нет мужа, который был бы кристально чист перед своей избранницей. Не являюсь таковым и я. Бывали случаи и обстоятельства, когда я не мог устоять перед женскими чарами и силой природного влечения. Однако твоя мать — лучшая из женщин! — не заслуживает мук ревности. А она будет страдать, как страдала бы любая жена от измены мужа... Впрочем, уже покойного. Смею предположить, что ревность не имеет срока давности. Посему прошу тебя, сын, оградить Бетти от этих столь же болезненных, сколь и бесполезных переживаний.

Раз ты читаешь это мое послание, Николай, значит, я мертв. Теперь я могу с облегчением признаться: ужасное предсказание, что я умру бездетным, сделанное одним рекомендованным мне магом, не сбылось. За что я не устаю благодарить Всевышнего. Исходя из своего опыта, обязан предостеречь тебя от обращений ко всякого рода предсказателям и ясновидцам. Эти самозванцы способны внушить опасную веру в свои лживые пророчества. Человек не стойкий, способный поддаться чужой воле, рискует изломать себе жизнь.

Вот, пожалуй, и все, что я хотел сообщить тебе в последнем послании. Надеюсь, моя просьба отложится у тебя в памяти, сын, и ты исполнишь данное мне обещание.

Письмо это сожги, дабы оно не попало в руки твоей матери и не нанесло ей душевную рану. Мы с ней прожили много лет в любви и согласии, и я никоим образом не желаю огорчать ее».

Внизу листка отдельной припиской был указан адрес Анны Андреевны Ремизовой, которая, судя по вышеизложенному, приходилась мне родной сестрой по отцу.

Я повертел письмо в руках, перечитал его и почесал затылок. Ну и задачка! Выходит, мне предстоит не просто познакомиться с сестрицей, а стать ее попечителем. Интересно, ей что-нибудь известно о моем существовании? Или она находится в том же неведении, в коем до сей поры пребывал и я?

Пожалуй, мне стоит предложить ей перебраться в Москву, и если она согласится, на первое время поселить... Где я ее поселю, черт побери? Сниму для нее квартиру? Закажу гостиничный номер? Приведу к нам домой?

Тогда я вынужден буду придумать какие-то оправдания для матери, чтобы та ничего не заподозрила. При том нет никаких гарантий, что новоиспеченная сестричка не выболтает тайну своего происхождения сразу же по приезде. В конце концов, она не обязана молчать. Правда, я могу поставить ей условие: она держит рот на замке, а я обеспечиваю ее жильем и деньгами...

Мысли каруселью закружились в моей голове. Я отметал вариант за вариантом, пока не выбился из сил.

«Так проблемы не решаются, — заметил второй Нико. — Не ставь телегу впереди лошади, парень. Сначала хотя бы погляди на эту Анну Ремизову, там поймешь, как правильно себя вести с ней».

— Ох-хо-хо! — выдохнул я, гадая, как бы мне изловчиться, чтобы и овцы остались целы, и волки сыты.

О, эти внебрачные дети! Короткая невинная интрижка, мгновение страсти, — и вот, милости прошу, извольте расхлебывать последствия. Недаром пуще всего я боялся этих самых последствий. Поэтому я в свои двадцать восемь лет холост и ни чуточки не жалею об этом. В своих отношениях с женщинами я прежде всего забочусь о

том, чтобы ни одну из них не наградить ребенком и тем самым не дать ей повода для шантажа и необоснованных требований. Если уж я решусь иметь детей, то исключительно в законном браке...

«Тпруу-у! — осадил меня внутренний голос. — Тебя не туда понесло, братец! Какие дети? Какая женитьба? Ты сперва разберись с дровами, которые наломал твой отец!»

Я скомкал злополучное письмо, положил его в серебряную пепельницу и щелкнул зажигалкой. Бумага занялась желтым пламенем, и через минуту от компромата осталась горстка пепла.

— Как будто ничего и не было, — пробормотал я, глядя на невесомый пепел. — Взять и забыть. Поставить точку в глупой сентиментальной истории.

Я оттягивал поездку к сестре, сколько мог. Прошли сорок дней со дня смерти отца, потом еще две недели, и я устыдился своего малодушия. Я даже не сообщил Анне о том, что она осиротела теперь уже окончательно. Я надеялся сделать это лично, а не по телефону. Наверное, я боялся... и как вскоре выяснилось, не зря.

Я оправдывал свое промедление тем, что не имею права оставить матушку одну в ее горе. Она перенесла два сердечных приступа и нуждалась в покое и уходе. К тому же заместитель отца еще не ввел меня полностью в курс дела управления компанией. Я был бы счастлив передать эти полномочия ему, но отец не простил бы мне капитуляции. Я неохотно, со скрипом вникал во все тонкости менеджмента и маркетинга.

Между тем мать понемногу оправлялась, к ней вернулись аппетит и желание жить. Она продолжала оплакивать мужа, но ее слезы стали светлее и мягче, если можно так выразиться. Это уже была горькая печаль, а не душераздирающая трагедия. Кажется, до матери дошли слова Долгова о том, что есть сын, за которого она в ответе.

Я старался вести себя безукоризненно, насколько мог. Хотя меня посещали тревожные мысли, я тщательно скрывал от всех свое беспокойство. Однако не удер-

жался и задал матушке вопрос, который чрезвычайно удивил ее: не замечала ли она чего-нибудь странного или подозрительного в последние пред рождественские недели.

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась она.

Я промямлил:

— Хочу разобраться в причинах внезапной болезни отца. Не было ли стресса, который спровоцировал недуг?

— Какая теперь разница, Нико? — махнула она рукой. — Мы потеряли его. И нам придется привыкать к этому. И мне, и тебе. До сих пор мы оба жили, как за каменной стеной. А теперь нам надо самим о себе заботиться.

— Папа ведь не жаловался на здоровье?

— Андрей вообще никогда не жаловался, — отрезала она. — Но это не значит, что он был здоров. Семьдесят лет — не двадцать!

— Я понимаю, но...

— Ты меня обвиняешь? — вскинулась мать. — Что я недоглядела? Не заставляла его регулярно проходить медицинские обследования? Тебе отлично известно, отец не любил обращаться к врачам. Он был упрям, как бык, никого не слушал. И вот... доупрямился, — всхлинула она.

— Успокойся, — примирительно произнес я, беря ее за руку. — Я не ищу виноватых. Я просто пытаюсь выяснить...

— Что выяснить? — перебила она. — Он умер потому, что пришло его время. Так он всегда говорил. Судьбу не обманешь.

— Да я не о том.

— А о чем?

— Ну... понимаешь, как-то все быстро произошло. Новый год, Рождество... ничто не предвещало беды, и вдруг — бац! Может, отец сильно перенервничал?

— Я не помню... — задумалась мать. — Твой отец был очень скрытным. Он считал проявление чувств слабостью, недостойной мужчины. Он не посвящал меня в свои проблемы. Оберегал.

Она прижимала кружевной платочек то к одной щеке, то к другой, промокая слезы. Я ощущал себя коршунном, терзающим голубку. В самом деле, чего я прицепился к матери с вопросами, когда ее рана еще совсем свежа. Неужели нельзя подождать?

«Потом может быть поздно, дружище, — нашептывал мой внутренний голос. — Поздно! Действуй, как подсказывает тебе сердце, и будь что будет!»

— Ты меня прости, ма, — виновато попросил я. — Тебе больно говорить об этом. Но мы должны обсудить все варианты.

Она вздрогнула и посмотрела на меня красными воспаленными глазами.

— Ты что? Какие варианты? Думаешь, его... он...

— Нет, нет, — искренне возразил я, понимая, чего она не решается вымолвить. — Речь не идет об убийстве. Папа умер естественной смертью, в этом никто не сомневается. Но... я должен знать все о его последнем годе. Я был невнимателен к нему, мы почти не говорили о серьезных вещах. Обменивались общими фразами. Доброе утро... спокойной ночи...

— Андрей был постоянно занят, — бросилась она на защиту покойного мужа. — Он работал для нас с тобой, Нико! Чтобы мы ни в чем не нуждались. Нечестно упрекать его теперь, когда он ушел.

— Я не упрекаю, — огорчился я. — Мы любили друг друга, как могли. Я рос разгильдяем и доставлял ему массу хлопот. Он заслуживал лучшего наследника.

Мать промолчала, глядя на портрет отца в траурной рамке. После сорокового дня я предложил ей убрать портрет, но она не соглашалась.

Я тоже молчал, не находя нужных слов. Она первой нарушила затянувшуюся паузу:

— Ты похож на своего отца... такой же упрямый и скрытный.

Я не стал возражать. Тем более, что и упрямство, и скрытность были мне присущи. Я надеялся, эти качества

пригодятся в бизнесе. Отцу они по крайней мере не мешали преуспевать.

— Послушай... а ведь было что-то такое, — добавила матушка, наморщив лоб. — Андрюша как-то обмолвился, будто за ним наблюдают.

— Наблюдают?

— Ему казалось, что за ним кто-то наблюдает. Но кто именно... он не мог понять. Это было просто чувство... ощущение, которое его беспокоило на протяжении жизни. Он спросил, что я об этом думаю.

— И что ты ему сказала?

— Я посоветовала ему обратиться к врачу, — смущенно призналась она.

— Ты решила, что он не в своем уме?

Лицо матери, и без того покрытое красными пятнами, побагровело еще больше.

— Давай прекратим этот разговор, — испугался я.

Но теперь она сама хотела объясниться. Ее брови прыгнули вверх, губы задрожали.

— Это могли быть первые признаки паранойи. Разумеется, ничего такого я ему не сказала.

— Но подумала, да?

Она смущенно кивнула, прижимая платочек к носу.

— А что мне было думать? Правда, к врачам отец не пошел, как ты сам понимаешь. И больше у нас разговор об этом не заходил. Это *наблюдение*, — подчеркнула она, — могло существовать только в воображении Андрюши. Он хронически переутомлялся, не умел отдыхать. Психика не выносит таких нагрузок. Но убедить твоего отца хоть на десять дней отключить телефоны и послать бизнес ко всем чертям, было нереально.

Я рассеянно кивал, думая о сестре. Обещание, данное мной отцу, жгло мне сердце. Наступил момент, когда я понял, что не имею права дальше откладывать знакомство с Анной.

В середине лета я отправился навстречу неизвестности...

~ ГЛАВА 3 ~

Старый Крым

Позавтракал я в Москве, а пообедал уже в Симферополе, в буфете аэровокзала. Должен признаться, я не чувствовал вкуса еды. Мной овладело нечто наподобие лихорадки, природу которой я объяснить не мог.

Там же, в аэропорту я взял напрокат подержанную «хонду-цивик» и отправился в небольшой городок в восточной части Крыма. По дороге, для того, чтобы занять свой взбудораженный ум, я строил планы беседы с Анной, один глупее другого.

Старый Крым оказался типичным южным селением, где все подчинено летнему отдыху и приему туристов. Остальные месяцы в году жизнь здесь замирала в ожидании курортного сезона.

День выдался сырым и ветреным. Над городком плыли низкие темные тучи, деревья мокли под мелким козым дождем.

Я не без труда отыскал домик Ремизовых на узкой унылой улочке, постоял минуту, обдумывая первую фразу, которую скажу обретенной родственнице, — что-то типа: «Здрасьте!.. Вы Анна? А я ваш брат Николай...»

Разве не смешно?

Я подумал, что у отца, вероятно, были основания принять на веру заявление барышни Ремизовой о том, что она его дочь. Очевидно, она подкрепила свое заявление некоторыми неизвестными мне доказательствами. Мысль о генетической экспертизе приходила мне в голову, но я отбросил ее как оскорбительную для Анны и памяти отца. Тем более она не получала по его завещанию ничего. Теперь ее будущее зависело от меня, и я волен поступать, как сочту нужным.

«А как же твое обещание? — проснулся во мне второй Нико, выскочка и критикан. — Как же сыновний долг перед покойным? Ты обязан выполнить последнюю просьбу отца, иначе твоя совесть будет есть тебя поедом до судного дня!»

— Черт... — выдохнул я, поеживаясь. — Эх, была не была...

С этими словами я толкнул давно не крашенную прожавелую калитку и очутился в грязном тесном дворике. Пустая собачья будка почти развалилась, дом выглядел немногим лучше. Видимо, Ремизовы едва сводили концы с концами.

Я громко, решительно постучал в обшарпанную дверь, мое сердце отчего-то сильно и быстро забилось. Прошли две или три минуты, прежде чем дверь распахнулась, и на крыльцо вышла молодая невзрачная особа, закутанная в тонкую шаль.

Уже в прихожей, куда она меня пригласила, я рассмотрел ее серое платье и пышные, уложенные узлом на затылке волосы. Они были расчесаны на прямой пробор, что придавало лицу хозяйки трогательное выражение чистоты и незащитности.

— Вы кто? — спросила она, стоя напротив и глядя на меня снизу вверх. Я заметил, что у нее голубые глаза, длинные ресницы и родинка над верхней губой.

— Николай Крапивин, — ответил я.

— Вы... сын Андрея Никитича? — растерялась она.

— А что, похож?

Она промолчала, изучая меня пытливым взглядом. При ее среднем росте она едва доставала мне до уха. Су-

дя по ее румянцу, я ей понравился. Я умел нравиться женщинам, когда хотел. В данном случае я решил произвести неизгладимое впечатление на робкую провинциалку и преуспел в этом.

— Я Анна Ремизова, — просто сказала она и провела меня в гостиную, обставленную выдавшей виды мебелью. На окнах висели вышитые гладью шторы, которые могли бы занять достойное место в музее мещанского быта прошлого века.

— Ну что, Анюта, — развязно произнес я, разваливаясь в старомодном кресле. — Выходит, мы брат и сестра?

— Выходит... — смущенно подтвердила она, присаживаясь на край дивана.

— Будем знакомы?

— Угу, — кивнула она. — Вы устали с дороги? Может, чаю?

Она не спросила о цели моего визита. Я мельком, исподтишка рассматривал комнату, которой подходила крылатая фраза «чистенько, но бедненько». При этакой нищете немудрено заинтересоваться капиталом родного батюшки. Правда, надо было еще добиться права на этот капитал. Судя по всему, Анна не обладала ни должным напором, ни необходимой для подобных притязаний наглостью. Она показалась мне сущей овечкой.

Кроме написанной маслом картины, висящей над спинкой дивана, никаких сколько-нибудь ценных вещей я в гостиной не обнаружил. Впрочем, картина, вероятно, была копией. Откуда бы здесь взяться подлиннику?

— Чаю? Пожалуй, выпью чашечку с дороги, — церемонно ответил я. Чередуя нарочитую грубоватость с подчеркнутой вежливостью, я наделся сбить ее с толку.

Она не вскочила поспешно, как можно было бы ожидать, а спокойно поднялась и удалилась на кухню. Сестрица взяла себя в руки, так что я напрасно рассчитывал на легкую победу.

Пока она готовила чай, я без помех изучал картину. Художник изобразил на ней игру в карты. За столом сидели трое — богатая дама в жемчужном ожерелье, серь-

гах и браслетах, знатный кавалер в берете с пером и молодой господин без головного убора. Перед игроками лежали золотые монеты. Слева от дамы стояла служанка с бутылкой и рюмкой в руках. Дама, видимо, проигралась, и ей потребовалось выпить. Мое внимание привлек господин без головного убора. Он сидел к зрителю спиной и тайком доставал левой рукой из-за пояса бубнового туза.

«Да он плутует! — сообразил я. — Это карточный шулер!»

— Жорж де Латур, — раздалось рядом со мной, и я вздрогнул.

— Что, простите?

— Жорж де Латур, — повторила Анна, расставляя на выцветшей скатерти чайник, чашки и вазочку с вареньем. — Живописец семнадцатого века. Это его работа.

Я засмотрелся на картину и не заметил, как она вошла. Один ноль в ее пользу. Она застала меня врасплох. Когда она наклонялась над столом, от ее волос шел слабый запах дешевого шампуня. Я терпеть не мог дешевых запахов.

— Подлинник? — поморщившись, осведомился я.

— Копия, разумеется, — улыбнулась Анна. — Любите живопись?

— Не более, чем каждый культурный человек. Я не фанат искусства.

Она налила в мою чашку травяной чай и предложила варенье:

— Горный кизил. Мы с мамой сами собирали и варили.

Я ждал слезливых интонаций в расчете разжалобить богатого родственника, но не дождался.

Чай оказался душистый, со сладковатым привкусом.

— Это крымский сбор, — объяснила хозяйка. — Здешние травы обладают особой целебной силой. Раньше у нас практиковали лечение цветочными ваннами. Моя мама знала множество рецептов. Она работала медсестрой в санатории. Там они и познакомились...

— С кем? — поперхнулся я, догадываясь, какой будет ответ.

— С Андреем Никитичем. Он страдал хроническим бронхитом, а санаторий «Старый Крым» специализируется на болезнях дыхательных путей.

Анна встала, полезла в комод и достала старый бархатный альбом для фотографий.

— Вот, взгляните, — она раскрыла альбом и показала мне черно-белый любительский снимок, где мой отец обнимал миловидную женщину с волосами и глазами Анны. Они оба улыбались в объектив: женщина смущенно, а отец слегка недовольно. Похоже, он не хотел фотографироваться, однако не посмел отказаться, чтобы не обидеть свою даму.

Я перевернул карточку, увидел написанную на обороте дату и отметил, что снимок сделан за четыре года до моего рождения. Мои родители тогда уже были женаты.

— Сколько тебе лет? — бестактно спросил я у Анны.

— Тридцать один...

«Она старше меня на три года, — подумал я. — Сроки сходятся, если учесть девять месяцев беременности».

Напряженные расчеты отразились у меня на лице, потому что Анна холодно заявила:

— Не стоит так нервничать. Я вам в сестры не напрашиваюсь.

«Овечка проявляет характер!» — мысленно констатировал я и так же холодно полюбопытствовал:

— Есть еще фотографии?

— Эта — единственная. Если хотите, порвите.

— Зачем же? — мои губы растянулись в саркастической ухмылке. — Я не варвар какой-нибудь.

Анна сердилась, и это шло ей гораздо больше смирения. Она с трудом сдерживала готовую сорваться с языка отповедь.

— Давай перейдем на «ты», раз уж мы родня, — примирительно предложил я.

Ссориться мне с ней было ни к чему. Это противоречило моему обязательству перед отцом.

— Давайте... давай, — недоверчиво согласилась она. — Ты приехал разоблачить меня?

Я прикинулся непонимающим, хотя она разгадала цель моего визита.

— В смысле?

— Ну, убедиться в том, что я самозванка, которая имеет виды на деньги господина Крапивина. А потом убедить в этом и его. Так вот, дорогой братец, мне плевать на ваши деньги! Моя мама до самой смерти молчала и никогда ничего не просила. Ни у кого! И я ничего не прошу ни у отца, ни у тебя. Если хочешь знать, я бы ни за что ему не написала! Меня мама заставила...

— Это из каких соображений? Тридцать лет молчала, а потом вдруг опомнилась?

— Она не могла оставить меня совсем одну.

— Запоздалая забота! — вырвалось у меня, и я тут же пожалел о своих словах.

Анна нахмурилась и замкнулась в себе. Я допустил промах. Нужно было исправлять положение.

— Отец умер, — брякнул я, не найдя лучшего способа встряхнуть ее.

До нее не сразу дошел смысл сказанного.

— У-умер? — тихо переспросила она.

— В конце марта. Он слег и больше не встал. Я пообещал ему позаботиться о тебе. Поэтому я здесь.

В глазах Анны промелькнули горечь, сожаление и непонимание, но она не пролила ни слезинки. «Это как раз нормально, — подумал я. — Она видела его только на снимке. Кто он ей? По сути, чужой человек. Странно было бы оплакивать чужого человека».

— Мама не рассказывала мне о нем, — грустно призналась Анна. — Я не успела к нему привязаться. В детстве я ненавидела его за то, что он нас бросил. А потом... просто вычеркнула его из своей жизни...

Громкий, требовательный стук в дверь прервал ее исповедь.

— К тебе гости, — сказал я, ликуя.

Пока она пойдет открывать, мне удастся пошарить по ящичкам комода. Наверняка она держит документы там же, где и альбом с фотографиями.

Я метнулся к комоду, едва хозяйка покинула гостиную, выдвинул верхний ящик и торопливо зарылся в бумаги. Горка квитанций, паспорт... я не ошибся! Где-то тут наверняка хранится свидетельство о рождении. Так... это не то... школьный аттестат мне тоже не нужен... Черт! Она вот-вот вернется, а я...

У меня перехватило дыхание, когда я добрался до того, что искал. В графе «отец» был указан... Андрей Никитович Крапивин. Правда, с оговоркой «со слов матери».

Я чудом успел плюхнуться обратно в кресло, когда слышался скрип разошедших половиц, и в дверях показалась встревоженная Анна.

— Это сосед, — зачем-то сказала она, кутаясь в шаль. — Пришел денег одолжить. А где я возьму? Он пьющий. Вечно на водку не хватает.

— Ты ему отказала?

— Я в долг не даю.

Я молча кивнул, отметив несоответствие в ее объяснениях: сосед наверняка знает Анну не первый год и вряд ли пришел бы за деньгами туда, где ему откажут. По-видимому, она сама сообразила, что «прокололась», и начала ни с того ни с сего рассказывать мне о матери, — как та болела и тихо угасла.

— Там ей лучше, чем было здесь, — горестно заключила Анна, намекая на иной мир, куда попала многострадальная душа Вероники Ремизовой, одинокой женщины, которая всю свою жизнь посвятила дочери.

— Она была замужем?

— Нет, — покачала головой Анна. — С тех пор, как...

Она осеклась, давая мне понять, что ее мать любила только моего отца и осталась верна этому чувству. Меня такими баснями не проймешь. Я знаю цену романтическим историям с меркантильной подоплекой.

«Твои уловки со мной не пройдут, — мысленно усмеялся я, слушая ее бредни. — Знаю я этих санаторных сестричек, которые норовят охмурить отдыхающих мужчин и устроить свою судьбу. А если объект окажется крепким орешком, то хотя бы закрутить курортный роман. Авось,

дорогой подарочек обломится или денежная компенсация. Удовольствие с выгодой!»

— Ты тоже медицинский работник? — спросил я, прерывая затянувшуюся паузу. — Пошла по стопам матери?

— Да...

В ее ответе прозвучала насторожившая меня неопределенность. Не похоже, что Анна работает. Сегодня, к примеру, вторник. Я не надеялся днем застать ее дома, но застал. Живет она уж больно убого. На зарплату медсестры не разгуляешься, это ясно. Но я не мог представить Анну делающей укол, массаж или любую другую лечебную процедуру, как ни старался. Есть люди, рожденные для праздности. Она относилась именно к этому типу. Однако и им нужен источник материального обеспечения. Порой их свободный от повседневного труда ум отыскивает довольно хитрые пути обогащения.

— Работаете посменно? — невинно осведомился я.

— Мне пришлось уволиться, — неохотно призналась она.

«Так я и предполагал, — констатировал мой внутренний двойник. — Она аферистка! Смотри, не попадись в ловушку, Нико. Будь начеку!»

— Давно ты на вольных хлебах?

— Тебе не все равно? — сердито поджала губы Анна. — От тебя мне ничего не надо. Боишься, что начну просить помощи? Расслабься. Я тебя в гости не приглашала. Сам приехал. Не нравится... вот тебе Бог, а вот — порог. Нас с тобой ничего не связывает.

Я пошел на попятную.

— Как-никак, мы дети одного отца.

— Ну и что? — презрительно прищурилась она. — Тебя это ни к чему не обязывает. Андрей Никитич умер, и все закончилось. Попил чаю? До свидания!..

Она загнала меня в угол. Теперь мне ничего не оставалось, как попрощаться. Но тогда я не выполню последнюю волю покойного родителя...

~ ГЛАВА 4 ~

Я не поддался на ее провокацию. Временно отступил и прикинулся кротким ягненком.

— Ты неправильно меня поняла, — лепетал я, краснея, как подросток.

Благо, ребенком мама насильно отдала меня в драмкружок, где я неизменно играл главные роли в детских спектаклях, приуроченных к праздникам Нового года, Восьмого марта и Дня Победы. Природная склонность к лицедейству была, пожалуй, основным моим талантом. Перед Анной я поначалу спасовал, а когда спохватился, она уже раскусила меня. Однако я питал надежду, что все образуется.

Итак, я остался погостить у нее несколько дней. Не скажу, что она пришла от этого в восторг. Из нас двоих она либо превосходила меня в притворстве, либо... вела себя искренне.

Назавтра я попросил ее показать мне Старый Крым.

Анна согласилась. Она водила меня по развалинам древних мечетей и рассказывала о прошлом этого южного городка. Раньше он был столицей Крыма и назывался Солхат, здесь кипела торговля и шумели сады. Солхат соперничал богатством и роскошью с Багдадом и Дамаском. В земле до сих пор лежат гончарные трубы, по ко-

торым в город подавалась вода с гор. Вернее, горная роса, накапливающаяся в специальных бассейнах. А старики передают из уст в уста предания о кладах, зарытых в развалинах...

Я слушал вполуха. История мало интересовала меня. Но я вынужден был поддакивать Анне и выражать фальшивое восхищение ее познаниями.

«Меня-то ты не обманешь, — ерничал при этом второй Нико. — Как же! Она разбудила твоё любопытство. Ты изучаешь ее, пытаешься проникнуть в ее мир. А тебя пока что держат на задворках».

Я запустил пробный шар:

— Поехали со мной в Москву, сестричка.

— Куда? — изумленно вскинула она свои тонкие темные брови.

— Я сниму для тебя квартиру. Работу тебе подыщу. Не в больнице, так где-нибудь в офисе. Компьютером умеешь пользоваться?

— Умею.

Утром, когда Анна была занята на кухне приготовлением завтрака из привезенных мной продуктов, я украдкой обошел весь дом. Кроме гостиной, там были еще две мрачные комнатухи, одна из которых служила спальней, а другая — чем-то наподобие кабинета. Все крохотное пространство занимали самодельные книжные полки, платяной шкаф, пара стульев и столик с компьютером. Последний по сравнению со всей остальной жалкой утварью выглядел чужеродно новым...

Хотите читать дальше?

Купите книгу "Шулер с бубновым тузом"

и узнайте, чем закончилась история Анны и Нико...

Спасибо за прочтение!